

⁷⁶ Цит. по: *Росс Н.* Указ. соч. С. 170.

⁷⁷ Там же. С. 155–156.

⁷⁸ Цит. по: *Одерова М.В.* Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже. С. 66.

⁷⁹ *Росс Н.* Указ. соч. С. 154.

⁸⁰ АВП РИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 76 об.

© 2012 г. В.Б. АКСЕНОВ*

ВОЙНА И ВЛАСТЬ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН В 1914–1917 ГОДАХ: АРХЕТИПЫ, СЛУХИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Изучение социальных потрясений начала XX в. немыслимо без учета особенностей мировоззрения и самосознания российского крестьянства. Крестьяне, составлявшие по переписи 1897 г. 77% жителей России¹, активно участвовали в урбанизационных процессах и политической деятельности, являлись численной основой армии. В период Первой мировой войны их отношение к происходящим событиям стало особенно важным фактором социально-политической истории. Специфика массового сознания крестьян в той или иной степени характеризовалась во многих работах, посвященных событиям 1914–1918 гг.² Однако, несмотря на устойчивое внимание к социально-антропологической проблематике, взаимосвязь ментальных установок и поведенческих практик в конкретных исторических условиях изучена слабо. Для ее освещения большой интерес представляют протоколы обвинений крестьян в нарушениях ст. 103 Уголовного уложения 1903 г. (об оскорблении царствующего императора, императрицы или наследника престола). В изученных 1 474 случаях для них характерны свойственные массовым источникам повторяемость сюжетов и выражений, а также присутствие фольклорных элементов, специфический механизм интерпретации информации, экзистенциальная обусловленность мотивов. Впервые внимательно рассмотренные Б.И. Колоницким и О.С. Поршневой, они до сих еще до конца не изучены. Колоницкий, выявляя источники слухов, указывает на случаи их салонного происхождения, а также фабрикация как социалистическими, так и монархическими партиями, либеральной интеллигенцией и германской пропагандой³. Между тем в ряде случаев слухи, распространенные в крестьянской среде, обнаруживают связи с фольклорными традициями.

Повседневность крестьянской жизни, связанная с тяжелым земледельческим трудом, формировала конкретное-прагматическое восприятие действительности, ограничивавшее метафоричность крестьянского мышления семантикой знакомых фольклорных образов. Когнитивная направленность мифа перешла к сказке, морфология которой отражала вневременные архетипические модели⁴. Сказка в буквальном смысле воспитывала человека, рассказывая о существующих правилах поведения, предлагая морально-нравственные оценочные критерии. Любопытный пример попытки практического применения сказки сохранился в рассказе солдата о том, как он, заблудившись, набрел на дорожный указатель: «Стоит столб, на ем слова, а прочесть я не в силах. Дороги за столбом разошлись, вот и иди куда знаешь. Сел, стал сказку вспоминать. А по сказке-то той, куда ни кинь – все клин, куда ни глянь – все дрянь. Я и пошел без пути, посередке, да еле из трясины и выбрался. Чем сказки-то сказывать, лучше бы грамоте выучили»⁵. Так, в ряде сказок солдат выстоял ночью против одолевавших его

* **Аксенов Владислав Энович**, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного технического университета – МИРЭА.

демонов только благодаря тому, что не переставал читать книгу⁶. При этом атрибутом истинной мудрости в сказках считалось обучение грамоте собственных детей⁷, знание не только расширяло социальные возможности человека («скоро они научились грамоте, и боярских и купеческих детей за пояс заткнули»), но и наделяло его мистической силой. О роли фольклора в системе народного воспитания свидетельствовало и то, что учащиеся дети крестьян нередко оформляли свои школьные сочинения в виде сказок, используя соответствующие литературные формы и речевые обороты⁸. Речь и мышление оказывались тесно связанными с помощью архетипических образов.

Но сказка обладала низкой степенью актуальной информативности, поэтому, оставаясь мировоззренческим фундаментом, как источник сведений она уступала место народной молве и слухам, нередко приобретавшим фольклорные формы. Как отметил Ю.П. Бокарев, в XIX в. не столько объективное ухудшение условий деревенской жизни, сколько сбивавшие крестьян с толку слухи вызывали волнения и бунты⁹. Связь слуха со сказкой, фольклором, усиливала его достоверность. Почвой для успешного процветания слухов являлся общинный уклад русской деревни, благодаря которому массовое сознание, мнение мира превалировало над индивидуальным, наделялось почти сакральным смыслом. Это отношение нашло отражение в паремиологическом материале: «что мир порядил, то Бог рассудил», «мир никем не судится, одним Богом», «что миром положено, тому быть так»¹⁰. На сельских сходах решению прагматических вопросов хозяйствования нередко сопутствовало обсуждение известий, принесенных народной молвой. Показательно, что когда сельский сход должен был разобрать спорный вопрос, окончательное решение всегда принималось единогласно, но не путем консенсуса, а по принципу подчинения индивидуального мнения коллективному – несогласные присоединялись к мнению большинства¹¹.

Хотя в начале XX в. влияние грамотных односельчан на деревенских сходах постепенно росло, по-прежнему высочайшим кредитом доверия у крестьян пользовались нищие странники. Архетип странника четко проявляется в народных христианских легендах. Неграмотные крестьяне, весьма туманно представлявшие себе содержание Священного Писания, заполняли лакуны богословского образования собственными фантазиями, по сути, создавая альтернативное Евангелие. В народных легендах Христос, апостолы или почитаемые святые в виде нищих-убогих странствовали по деревням, беседовали с жителями, просились на ночлег, проверяя добродетельность хозяев, давали добрым людям полезные советы¹². Эти рассказы, прочно вошедшие в крестьянскую картину мира, обеспечивали надежный доход и почет тем, кто просил милостыню. В протоколах, составленных в связи с обвинениями нищих-странников в распространении ложных слухов, часто отмечалось, что крестьяне относятся к ним с уважением, считая людьми «не глупыми» и «бывалыми»¹³. Последняя характеристика в глазах крестьян была особенно важна. С конца 1914 г. число убогих странников пополняли возвращавшиеся с фронта раненые солдаты, рассказывавшие собственную историю войны, заметно отличавшуюся от официальной.

Как известно из воспоминаний русских офицеров, солдаты в 1914 г. плохо себе представляли, из-за чего началась война. В лучшем случае они слышали, что «какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты»¹⁴. Но если в войсках офицеры еще могли предоставить солдатам краткую политинформацию, то в российской глубинке, несмотря на усилия грамотных крестьян донести до односельчан содержание газет, народ в массе своей оставался в неведении и доверял скорее тем слухам, которые перекликались с сюжетами народного мифотворчества.

Ходившие среди крестьян объяснения причин войны условно можно разделить на три группы: неудавшееся сватовство, земельный вопрос и мотовство. Так, летом 1915 г. нижеомские крестьяне Акмолинской обл. рассказывали, что Николай II рассердился на австро-венгерского императора Франца Иосифа за то, что наследный принц Франц Фердинанд «хотел обмануть» Ольгу Николаевну¹⁵. В этом слухе произошло причудливое объединение сказочно-архетипического с историко-фактологическим. В русских сказках и преданиях сватовство нередко было сопряжено с прохождением

опасного для жизни испытания. Часто сватовство выводило царства на порог войны («какой-то царь сватал царевну у этого царя и не высватал; за то объявил войну», – говорилось в сказке, переданной пермскими крестьянами А.Н. Зырянову в 1850 г.)¹⁶. Однако «сватовская» версия начала войны была, по-видимому, связана и с реальными фактами. При всей абсурдности слуха о сватовстве 51-летнего Франца Фердинанда, состоявшего к тому же в официальном морганатическом браке с чешской графиней, нельзя не вспомнить историю сватовства к великой княжне Ольге Николаевне наследного принца Румынии Карола, приехавшего в начале 1914 г. с этой целью в Петербург. В мае заговорили о предстоящей их свадьбе, однако из-за позиции русской стороны помолвка не состоялась. След румынского сватовства обнаруживается также в слухах, ходивших по Курляндской губ.: «Не Германия виновата, а Россия: одна сволочь (имелся в виду император. – В.А.) поехала в Румынию заводить сватовство, чтобы привлечь на свою сторону, а другие сволочи, русские министры, поехали в Сербию подготовить убийство австрийского наследника престола»¹⁷. Связав неудавшуюся помолвку Карола и Ольги с начавшейся вскоре войной и поменяв действующих лиц, народная молва создала доступную и удобную для понимания в деревенской среде версию.

Но самым популярным среди крестьян различных губерний России стал миф о земельной причине мировой войны. В частности, утверждалось, что царь «продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землей»¹⁸. Представление о войне как о бессмысленном побоище доминировало в крестьянском сознании. Единственное рациональное объяснение они видели в стремлении решить с ее помощью земельный вопрос. Уже в декабре 1914 г., задолго до начала череды военных неудач русской армии, собравшиеся за покупками в томской артельной лавке крестьяне рассуждали: «Вы думаете, эта война идет из-за каких-нибудь наших интересов? Нет, ничего подобного – просто-напросто наш Государь Николай и германский Вильгельм как раньше пили шампанское вино, так и теперь пьют его вместе; войну же ведут из-за того, чтобы уничтожить миллионы порядочных людей»¹⁹. Толковали также, что Россия была продана за бочку золота и теперь царь обязан отдать ее германцу, по словам других: «клеший царь-картежник проигрался в карты и вздумал войну»²⁰. Представление о том, что «царь Николай Россию промотал», часто высказывалось крестьянами²¹. По другой версии, напротив, «царь вином торговал.., нагребил денег с крестьян, а германец узнал про эти деньги и, чтобы отобрать, объявил нам войну»²².

В любом случае, все эти слухи препятствовали сплочению общества и власти. Действительно, в 1914 г., по меткому замечанию Поршневой «в разноголосом восторженном хоре патриотических речей... голоса крестьянства слышно почти не было»²³. Сельские общества, не охваченные в этот период революционной борьбой (если за 1913 г. было зафиксировано 147 случаев различных выступлений, то за январь–июль 1914 г. – 67²⁴), откликнулись на войну пожертвованиями и сборами средств для помощи солдатам, раненым. Крестьянки собирались в избах и шили кисеты, вязали теплые вещи для солдат. Однако сельский патриотизм отличался от городского тем, что предполагал готовность к самопожертвованию не во имя абстрактной любви к не менее абстрактной для крестьянства империи (крестьяне идентифицировали себя не по национально-государственному признаку, а по губернско-территориальному – вятские, псковские, рязанские и т.д.), а ради вполне конкретных людей – детей, мужей, отцов и братьев, ушедших на фронт. Поэтому выступившие с инициативой помочь солдатам на войне крестьяне резко отрицательно восприняли введенные властями дополнительные налоги и поборы, сопротивлялись реквизициям скота и лошадей, утаивали продукты. 55-летний крестьянин Псковской губ. Аким Лукин возмущался гужевой повинностью: «Почему мою лошадь выбрали, – неужели наш Государь прогорел, что последнюю лошадь отбирает?»²⁵. «Если вашему Государю нужно воевать, то пусть дает своих лошадей», – вторил ему ровесник из Холмской губ. Иван Вазин²⁶. За реквизированных лошадей полагалась компенсация, но нередко отбирали самых лучших, стоивших 500 руб., а платили за них всего 150 руб.²⁷

Правительство пыталось частично компенсировать потери семьям призванных на военную службу в соответствии с утвержденным еще в 1912 г. «Положением о призрении нижних чинов и их семей». Хотя система выдачи пособий солдаткам была бюрократизирована и далеко не всегда понятна крестьянкам, при назначении пособия женщины могли рассчитывать на значительные суммы (от 30 до 45 руб. в месяц)²⁸. Однако пособия, причитавшиеся «малой» семье, становились яблоком раздора в патриархальной деревне и вызвали очередную волну критики в адрес властей. В соответствии с сельским укладом жизни невеста приходила жить в дом мужа, где попадала в жесткую иерархию отношений: большак-свекр, свекровь, муж, деверь, золовка²⁹. Получив пособие, невесткам приходилось либо отдавать его свекрам и свекровям, либо идти на конфликт, отстаивая собственную финансовую независимость. В Костромской губ. в феврале 1915 г. во время ссоры с невесткой из-за денежного пайка свекровь, обругав царя, возмутилась: «Солдатским женам выдал книжки для получения пособия, а матери выходят дешевле жен»³⁰. Мать солдата в народном сознании имела больше прав на компенсацию, лишение же ее пособия воспринималось в деревне как несправедливость. В результате многие крестьянки тратили деньги сразу после получения, покупая кофточки, галоши, духи, помаду³¹. Естественно, это не снижало напряженности в семьях, а, наоборот, формировало в деревенском общественном мнении уверенность в том, что невесток деньги развращают: «Наш Государь дурак за то, что много дает пособия солдаткам, которые ведут праздную жизнь»³². Со временем получение денежных пособий стало восприниматься как предательство, принятый крестьянками откуп за убитых мужей: «Солдатки за деньги продали своих мужей; им царь за них выдает деньги»³³. Последнюю точку зрения разделяли и некоторые солдатки. Показателен случай, произошедший в марте 1916 г. в селе Кривце Киевской губ. во время раздачи пайков женам запасных чинов. Пока одна солдатка высказывала благодарность в адрес Николая II за выданное пособие, другая солдатка, 30-летняя крестьянка Александра Побережная, оскорбила императора и заявила: «нехай верне мини мужа, я его грошами не нуждаюсь»³⁴.

Постепенно у крестьян укреплялось мнение, что война лишь еще один способ обмануть и обокрасть народ, и вследствие этого образы «царя» и «отечества» все дальше удалялись друг от друга. 16 августа 1915 г. призванный в армию 22-летний крестьянин Костромской губ. Александр Метлин, выпивая со своими друзьями в чайной и будучи в нетрезвом состоянии, матерно ругал императора, заявив: «Я иду служить за веру и отечество»³⁵. Находившийся на побывке в Вологодской губ. 27-летний крестьянин Василий Кузнецов, георгиевский кавалер, в ноябре 1916 г. говорил: «А мне что царь: я не царю служу, а за веру и родину. А царь у нас кровосос и только истребляет народ»³⁶. В народе все чаще возлагали на императора персональную ответственность за развязывание бессмысленного кровопролития и военные неудачи. Когда 26 июля 1915 г. на сельском сходе в деревне Крашеновой Тобольской губ. некоторые крестьяне предложили чаще молиться за Государя и главнокомандующего, 59-летний Елизар Горбунов возразил: «Надо молиться за воинов и за великого князя Николая Николаевича. За Государя же что молиться, он снарядов не запас, видно прогулял»³⁷. Так образ царя постепенно исчезал из народных патриотических настроений и становился лишним в крестьянской картине мира³⁸.

Крестьяне, недовольные «Николашкой», все чаще спрашивали друг друга: «Кто его выбирал, этого Государя?»³⁹. Сама постановка такого вопроса была равносильна отречению народа от своего царя, намекала на возможность переизбрания или выбора нового монарха: «Что Государь? Наплевать на Государя. У нас в деревне выберут мужика в старосты, и он также может распоряжаться, как царь, и он может быть такой же царь»⁴⁰. Причем богоизбранность монарха более не смущала разочаровавшихся в императоре крестьян. Так, в октябре 1916 г. во время спора двух крестьянок о царе в петроградской дворницкой, на слова одной из них, что «царь дан нам Богом», другая, 35-летняя Варвара Андреева, не без основания возразила: «А мы чертом, что ли, даны?»⁴¹.

Другим проявлением внутреннего отречения народа от императора являлось использование с существительным «царь» притяжательного местоимения «ваш» вместо «наш». Так, в марте 1915 г. мещанин Томской губ. Николай Савин во время спора со своей квартирохозяйкой произнес: «Вашего Николая скоро поведут на поводу как русскую собачонку». В январе–феврале 1916 г. грубо бранили царя крестьяне Уфимской и Тобольской губерний⁴².

Это, в свою очередь, способствовало распространению пораженческих, если не коллаборационистских настроений. «Скорее бы немцы взяли Петроград, – рассуждали в сентябре 1915 г. крестьяне Черниговской губ., – тогда всю сволочь эту выгнали бы оттуда»⁴³. «За нашим царем последняя жизнь, – говорили крестьяне Новгородской губ. – Пусть Германия победит, за тем царем будет лучше жить»⁴⁴. Астраханский извозчик Поляков в феврале 1916 г. грозился: «Если меня будут брать на войну, я все равно не пойду, а если пойду, то за Вильгельма и вместе с ним всажу нашему царю осиновый кол в задницу»⁴⁵. Однако в составленном по этому случаю протоколе было отмечено, что Поляков «политически благонадежен».

Сравнение личных качеств российского и германского императоров часто оказывалось не в пользу Николая II. «Вот бы нам Вильгельма вместо нашего Государя, а то он ничего не делает», – толковали тверские крестьяне в чайной в мае 1915 г.⁴⁶ Крестьянам представлялось, что «германский император на войне, а наш Государь на печи сидит», «ему бы только дворником быть у Вильгельма», поскольку «он как плохой крестьянин в хозяйстве, не умеет распоряжаться и совершенно глупый»⁴⁷. Очевидно, что образ сидящего на печи царя-бездельника не был производным от каких-то известных фактов, а возник в соответствии с фольклорными стереотипами, будучи удобным объяснением обрушившихся на Россию неудач. Поэтому неудивительно, что вместе с образом Емели в народе активно эксплуатировался собирательный образ царя-дурачка.

Еще до войны в пивных Саранска пели песню: «От Петербурга до Алтая нет глупее самодержца Николая»⁴⁸. Любопытно, что нередко доказательство слабоумия царя видели в его «сходстве» с внешностью местных юродивых: «наш-то Государь император дурак, у него и рожа-то, если посмотреть, так похожа на Елку Абрамовского (местный дурачок-пропойца. – *В.А.*)», «он ничего не понимает, не может править этим делом на войне, Государь наш – Акимиха (местная умственно отсталая крестьянка. – *В.А.*)»⁴⁹. «Вряд ли Россия победит Германию, – заявила в феврале 1916 г. 20-летняя крестьянка Евгения Урсини, глядя на царский портрет, – потому что у России нет снарядов, а также по наружности наш русский Государь выглядит против Вильгельма мужик-мужиком»⁵⁰. В период мировой войны в деревне появлялось множество грубых афоризмов, высмеивавших умственные способности монарха: «У Вильгельма больше ума в пятке, чем у Николая в голове» и т.д.⁵¹ Крестьянин Варшавской губ. Ян Гарстка даже уверял, что царь неграмотный, так как подписывается одним только своим именем – Николай⁵².

В отзывах крестьян в годы войны самодержец все чаще представал как «пьяница», «шинкарь», «пробочник». 45-летняя крестьянка Тобольской губ. Мария Агафонова, странствовавшая по святым местам, в феврале 1915 г. сетовала: «Царь пьет, а русские страдают от его похмелья»⁵³. «Говорят, – передавали крестьяне друг другу, – Государю некогда делами заниматься, – он всегда пьяный». «Наш царь дурак, пьяница, – утверждала молва, – гуляет, а за делами не смотрит». Убеждение крестьян в том, что Николай II к войне не готовился, «а только водкой торговал», как ни парадоксально, отчасти было вызвано его заботой о народном здравии, и, в частности, ограничением винной торговли в стране. В результате антиалкогольных мер народ пить меньше не стал: «монополька» в деревне была заменена продуктом домашнего производства, а в городах – денатурированным спиртом. И если раньше крестьяне быстро напивались и быстро трезвели, то после введения «сухого закона» им приходилось тратить куда больше денег и времени на поиск контрафактной продукции. Озлобление народа приковывало внимание к винной теме, заставляло вспоминать давнишние обвинения царя в спаивании народа и связывать с ними военные неудачи: «Не подготовился наш царь к войне, дурак он, только водкой торговал, а о снарядах не думал»⁵⁴.

Наряду с пьянством царя, царицу и членов их семьи упорно обвиняли в разврате⁵⁵. Воспаленная фантазия рассказчиков создавала при этом самые дикие и извращенные образы, дополняя их для большей убедительности всевозможными «подробностями»⁵⁶. Предосудительные мотивы усматривались даже в деятельности Российского общества Красного креста, возглавлявшегося вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Поговаривали, будто «старая Государыня, молодая Государыня и ее дочери... для разврата настроили лазареты и их объезжают»⁵⁷. В свою очередь, это создавало почву для слухов о том, что дети Николая II незаконнорожденные. В Архангельской губ. распространялось мнение, что «великие княжны – не законные дочери государя, а “пришлые”», незаконнорожденным хромым наследником называли и цесаревича Алексея, а в его болезни в народе видели наказание императорской чете за ее грехи⁵⁸.

Неудивительно, что мысль о супружеской измене соседствовала в народном сознании с представлениями и об измене государственной. Так, в Минской губ. в ноябре 1914 г. 28-летняя дворянка Мария Барановская заявляла: «Наша государыня плачет, когда русские бьют немцев и радуется, когда немцы побеждают». В начале 1915 г. 42-летний крестьянин Владимирской губ. говорил, будто царица: «радуется, когда бьют наших и плачет, когда бьют врагов». То же твердили в Ярославской губ. о вдовствующей императрице: «Когда русских солдат бьют, то радуется, а когда наши бьют германцев, то плачет»⁵⁹. Любопытно, что данный оборот речи почти дословно повторялся в различных уголках империи, став стереотипом массового сознания, что указывает на его фольклорные корни. В трудах М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, В.Я. Проппа, О.М. Фрейденберг оппозиция «смех–плач» рассматривается как архетипическая, имеющая непосредственную связь как с языческой, так и христианской культурой⁶⁰.

Правда, упоминавшаяся в обценной лексике крестьян «императрица» или «Государыня» не всегда может быть точно идентифицирована. Мать Николая II крестьяне также считали немкой, приписывая ей то вывоз в Германию пожертвований, собранных для армии, то организацию взрывов на военных складах как в России, так и в союзных странах⁶¹. Даже дефицит сахара, возникший во многом из-за роста крестьянского самогоноварения, объясняли тем, что вдовствующая императрица весь его «скупила и куда-то отправила»⁶². Примечательно, что те обвинения, которые городская молва предъявляла Александре Федоровне, деревенская среда переадресовывала императрице-матери. Колоницкий справедливо заметил в этом проявление народной матерщинной традиции: «Ругая царя “по матери”, легко вспоминали и мать Марию»⁶³.

Следует также отметить, что в городских слоях главным дискредитирующим Александрю Федоровну фактором выступали ее отношения с Григорием Распутиным, однако в изученных делах по нарушению ст. 103 Уголовного уложения имя Распутина ни разу не упоминалось. Сложно представить, что слухи о Распутине не доходили до крестьян, скорее связь царицы с мужиком, известная по народным сказкам, не считалась предосудительной и меркла на фоне прочих обвинений монаршей семьи. В любом случае в российской деревне бранили преимущественно Марию Федоровну.

Фольклорные традиции обнаруживаются также в слухах о «подменном царе». Популярная в народе легенда о подмене Петра I, существовавшая в нескольких версиях, теперь переносилась на Николая II. Так, крестьянин Тверской губ. Никита Брюнгин в апреле 1915 г. доказывал своим односельчанам, что «Государя императора у нас нет уж четыре года и за него у нас кто-то там правит»⁶⁴. А в августе 1915 г. крестьянин Вятской губ. Иван Машковцев передал своим односельчанам слух об исчезновении самого царя: «У нас Николка сбежал; у нашей державы есть три подземельных хода в Германию и один из дворца, быть может туда уехал на автомобиле. У нашего Государя родство с Вильгельмом»⁶⁵.

Этот слух представляет большой интерес с точки зрения реконструкции народной молвы. Слухи о подземных ходах из дворцов основывались на таких реальных «прототипах», как знаменитый 120-метровый подземный ход из Гатчинского дворца, сооруженный в смутную эпоху «дворцовых переворотов» графом Г.Г. Орловым и на долгие годы ставший предметом народного мифотворчества. Архетип подземного хода в рус-

ском фольклоре приобрел устойчивую семантическую связь с потусторонним миром⁶⁶. Как и упомянутое родство с «немцем» Вильгельмом, все это крестьяне считали доказательством грехопадений императора. В результате, в народном сознании формировался образ неугодного Богу царя-грешника. Старообрядцы Саратовской губ. увидели в нем даже воплощение антихриста⁶⁷, а крестьяне Воронежской губ. – нового Ирода: «Говорят, что народится Ирод. Вот и родился Ирод – это наш царь Николай»⁶⁸. Браня царя, крестьяне часто использовали эпитеты «черт» и «леший»⁶⁹. Так или иначе, смерть самодержца, казалось, должна была принести избавление от бед: «Скоро будет Всероссийское собрание, проберут Государя императора и наследника, затем их кончают (убьют), а правительство сожгут. Как Иисуса Христа распяли, так и распнут Государя императора и наследника, после чего жить станет легче»⁷⁰.

Вряд ли можно согласиться с мнением А.В. Буганова, что «вплоть до 1917 г. идея цареубийства не находила отклика в сознании основной массы крестьянства»⁷¹. Изучение судебных дел крестьян скорее заставляет принять точку зрения О.Г. Буховца, согласно которой соответствующие настроения возникли уже в 1907–1914 гг.⁷² В период же Первой мировой войны проклятия и пожелания смерти царю зазвучали еще громче. Участились и случаи осквернения изображений царствующих особ, имевшихся нередко в крестьянских домах на дешевых картинках и календариках. Самым распространенным способом подобного надругательства, носившим к тому же характер мистического ритуала, было выкалывание глаз. В составленном в феврале 1916 г. протоколе по поводу осквернения царского портрета отмечалось: «На портрете изображены Государь император, Государыня императрица и великие княжны: Ольга, Татьяна и Мария Николаевны, причем на местах глаз, носа, рта у всех дыры; на груди Государя императора также дыры, а на руках Государыни и великих княжон проколы. Портрет внизу на лицевой стороне слегка испачкан кровью, а на обратной стороне – большие кровавые пятна»⁷³. Выкалывание глаз на изображениях – ритуал, характерный для архаического сознания, соответствовал изученной Проппом семантике слепоты, как перехода в мир мертвых⁷⁴. Учитывая, что данные действия сопровождалась проклятиями в адрес Государя, выкалывание глаз на портретах можно рассматривать в качестве материализации пожелания отправиться в ад.

Крестьянин Самарской губ. 26-летний Андрей Правдин в январе 1916 г., явившись в дом крестьянки Юрьевой и увидев висевший на стене групповой портрет императора, императрицы и цесаревича, выколол оба глаза императору и один глаз наследнику, после чего произнес: «Два слепца, третий поводительщик»⁷⁵. В делах по ст. 103 Уголовного уложения встречаются случаи, когда крестьяне угрожали заклеить или заклеивали глаза на изображениях Николая II почтовыми марками⁷⁶. Само по себе ослепление воспринималось как кара свыше. Многие крестьяне, не сомневаясь в том, что царь заслуживает наказания, роптали: «Никакого Бога нет, а если бы был Бог, то Николку... ослепил бы»⁷⁷.

От ритуальных проклятий недалеко было и до мыслей о цареубийстве. Ходили слухи, что на жизнь императора периодически совершались покушения. В конце января 1915 г. в Стерлитамаке шла речь об одном таком заговоре: «Вот однажды на крейсере его (Николая II. – В.А.) хотели убить и матросы кинули жребий. Если бы мне достался этот жребий, у меня рука не дрогнула бы, я бы бахнул»⁷⁸. 19-летняя крестьянка Тульской губ. Марфа Шишкова, жаловавшаяся парням и девушкам во время забав деревенской молодежи в июне 1916 г. на то, что «побрали всех моих милаков», грозила: «Если бы этот царь попался мне на глаза, то я бы его зубами и руками раздернула, а если бы попало мне ружье, то я бы его из ружья застрелила»⁷⁹. «Нашего царя и царицу надо убить; – заявляла замужняя крестьянка Пермской губ. Устиния Першина, – скорее окончится война и скорее возвратятся наши мужья»⁸⁰. О том же мечтала и 23-летняя мещанка из Барнаула Анна Косачева, влюбившаяся в пленного австрийского офицера: «Надо застрелить нашего Государя и всех союзных, тогда кончится война, и с Костей поеду во Львов, где и будем подданными Франца Иосифа»⁸¹.

Рассматривая слухи, отразившиеся в судебных материалах, нельзя не увидеть, как общие оценочные критерии народа, закрепленные в архетипах ментальности, формировали единую картину и заставляли крестьян разных губерний почти дословно передавать одни и те же представления о причинах, основных чертах и особенностях Первой мировой войны. При этом на трех уровнях сознания – повседневном, религиозном, мифическом, – происходило отторжение монархии и правящей династии, во многом предопределившее не только исход политической борьбы в 1917 г., но и последующие трагические события.

Примечания

¹ Общий свод по империи результатов разработок данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 163.

² См.: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996, 1997; Менталитет и аграрное развитие России XIX–XX вв. М., 1996; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; *Яров С.В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: Политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004; и др.

³ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 530–551.

⁴ См.: *Пропл В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1998; *он же.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. Подробнее о структурах массового сознания см.: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. С. 217; *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1980. С. 131.

⁵ *Федорченко С.* Народ на войне. М., 1990. С. 27.

⁶ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 2. М., 1957. № 273, 275; Т. 1. М., 1957. № 155.

⁷ Там же. Т. 2. № 180.

⁸ *Потемкин И.Е.* Отражение войны в детской психике // Вестник воспитания. 1915. № 8. С. 200.

⁹ *Бокарев Ю.П.* Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие России XIX–XX вв. М., 1996. С. 170.

¹⁰ Здесь и далее пословицы приводятся по изданию: *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 1–2. М., 1984.

¹¹ *Безгин В.Б.* Указ. соч. С. 49.

¹² См.: Народные русские легенды, собранные Афанасьевым. Лондон, 1859.

¹³ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 377.

¹⁴ *Брусилов А.* Воспоминания. М., 1963. С. 81.

¹⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 211.

¹⁶ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 1. № 125.

¹⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 426.

¹⁸ Там же, л. 27.

¹⁹ Там же, л. 136 об.

²⁰ Там же, л. 42 об., 101 об., 181.

²¹ Там же, л. 22.

²² Там же, л. 164 об.

²³ *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 88.

²⁴ См.: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

²⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 10 об.

²⁶ Там же, л. 71.

²⁷ Там же, л. 130–130 об.

²⁸ *Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 150.

²⁹ В народном фольклоре сохранились следы непростых патриархальных взаимоотношений: «свекор – гроза, а свекровь выест глаза», «свекровь на печи, что собака на цепи», «свекор драчлив, свекровь ворчлива, деверья журливы, невестки мутливы».

³⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 101 об.

³¹ *Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Указ. соч. С. 151.

³² РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 123.

³³ Там же, л. 530 об.

³⁴ Там же, л. 388.

³⁵ Там же, л. 52.

³⁶ Там же, л. 125.

³⁷ Там же, л. 53.

³⁸ О «десакрализации» монархии в период Первой мировой войны см.: *Колоницкий Б.И.* К изучению механизма десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // *Историк и революция.* СПб., 1999. С. 72–86.

³⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 84.

⁴⁰ Там же, л. 476.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 106, 121, 244.

⁴³ Там же, л. 38–38 об.

⁴⁴ Там же, л. 141.

⁴⁵ Там же, л. 178.

⁴⁶ Там же, л. 62 об.

⁴⁷ Там же, л. 38–38 об., 120, 263.

⁴⁸ Там же, л. 18.

⁴⁹ Там же, л. 61, 102.

⁵⁰ Там же, л. 180.

⁵¹ Там же, л. 331.

⁵² Там же, л. 263.

⁵³ Там же, л. 150.

⁵⁴ Там же, л. 80 об., 81, 105 об., 126 об., 150.

⁵⁵ Там же, л. 484, 107.

⁵⁶ Там же, л. 83 об.–84, 204 об.–205, 338, 390, 398, 525.

⁵⁷ Там же, л. 481–481 об.

⁵⁸ Там же, л. 16, 474 об.

⁵⁹ Там же, л. 97–97 об., 107, 170–170 об.

⁶⁰ См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984; *Пропт В.Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999; *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

⁶¹ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 90 об., 92.

⁶² Там же, л. 434 об.

⁶³ *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»... С. 521.

⁶⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 99 об.–100.

⁶⁵ Там же, л. 261 об.–262.

⁶⁶ См.: *Пропт В.Я.* Исторические корни...

⁶⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 442, 443 об.

⁶⁸ Там же, л. 332.

⁶⁹ Там же, л. 443 об.

⁷⁰ Там же, л. 278 об.

⁷¹ *Буганов А.В.* Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // «Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики». М., 2002. С. 259.

⁷² *Буховец О.Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России. XIX–XX вв. М., 1996. С. 183.

⁷³ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 114.

⁷⁴ *Пропт В.Я.* Исторические корни... С. 167.

⁷⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 465 об.–466.

⁷⁶ Там же, л. 25–25 об.

⁷⁷ Там же, л. 141 об.

⁷⁸ Там же, л. 296 об.

⁷⁹ Там же, л. 506.

⁸⁰ Там же, л. 542.

⁸¹ Там же, л. 362.